

10 НОЯБРЯ 1982 ГОДА

Умер Леонид Брежнев

«Оказалось, если его убрать, ничего не изменится»

Григорий Ревзин

КОГДА Леонид Ильич Брежнев умер, у меня были каникулы. Там подгадывали каникулы под 7 ноября, а он умер 10, сообщили 11. У моей мамы много сестер, большая семья, и 13, в субботу, мы должны были ехать к тете Тане. Все ее сестры и их семьи — много людей довольно-таки разнообразных взглядов. У нас дома боль утраты с 11 числа не очень ощущалось. Было чувство абсурдности бытия, потому что он умер, а ничего не произошло. Но тетя Таня к Брежневу относилась с уважением, анекдотов про него не одобряла и еще за несколько лет до того завела у себя дома его портрет в золотой раме, в кремовом кителе с орденами. И он у нее висел в большой комнате над диваном рядом с голографической японкой, которая под одним углом зрения была в одном кимоно, а под другим в другом. Мой брат Колька говорил, что если посмотреть на нее сверху, от потолка, то она еще бывает и без кимоно, и мы даже однажды пытались слазить, но люстра сломалась. Так вот, приезжаем мы, а тетя Таня ему, портрету, сбоку снизу приделала ленту из черного крепа, а сама сидит под ним. В черном костюме, блузке с жабо, со слезой, торжественно, но по-домашнему — рядом эмалированный таз с пирогами, укрытый одеялом. Содержимое таза (я в мифологическом смысле, скажем, в соответствии с идеями Ольги Фрейденберг) олицетворяло собой усопшего. В ритуальном аспекте я приобщился к его смерти — я им объелся. Я любил пироги.

НТВ к 30-летию юбилею смерти Брежнева выпустило фильм под названием «Брежнев. Смерть эпохи», и в принципе, глядя из сегодняшнего дня, это выражение — «смерть эпохи» — кажется адекватным. В школе, в задачах по физике, после изложения каких-то выдуманных, мучительно ненатуральных историй про то, как что-то куда-то ехало, принято было писать «трением можно пренебречь», и в этом была какая-то неприятная угроза, в том смысле, что мы могли бы тебя еще и заставить учитывать это трение, но ладно уж, так и быть, послабление тебе вышло. Брежнев был большим временем, а Андропов и Черненко — мелкими ошметочками его же, катышками, образовавшимися от трения о новую эпоху, и ими можно пренебречь. С Брежневым умер послевоенный СССР — действительно конец эпохи. Но ничего такого, что соответствовало бы этому пафосному определению, вовсе не ощущалось. Атмосфера вокруг 7 ноября в детстве была чем-то вроде письма старого лорда Баскервиля потомкам — «в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно, опасайтесь выходить на болото». Вся эпоха была каким-то зыбким болотом, а вокруг 7-го, когда этот дом престарелых забирался на непогребенный труп своего Ленина, чтобы показать, что они с ним тесно связаны, силы зла, очевидно, властвовали безраздельно. В ноябре вообще темно и страшно, как и сейчас, но сейчас ты хоть чего-то сделал, на что-то можешь опереться — не в том смысле, что вытянет, а в том, что это уже было, и трудно отметить. А в детстве ничего такого не было. Было

только страшно, что кругом болото и правят им силы зла. Я все время боялся незнамо чего. Армии, от которой как отвертеться — а мы уже два года как воевали в Афганистане. Того, что нужно идти в магазин и по четыре часа бороться за кусок костлявой говядины. Школы, потому что там тебе могут вклеить пару, а там аттестат, в институт не поступишь, значит опять — в армию. Нет, я в кого-то влюблялся, читал книжки — дело не сводилось к ужасу, но он никуда не уходил. Можно сказать, я в ужасе влюблялся и в ужасе читал Достоевского и Эйдельмана. У Анны Ахматовой есть стихотворение «Август 1940».

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиво, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.

Это про Париж, сданный Гитлеру, но это, в общем-то, точное описание таких моментов, когда погребают эпоху. Но тут не было ни тишины, ни звука идущего времени. Он умер, а ужас не кончился. Обострился — оказалось, если его убрать, ничего не изменится. Вот только что вроде было, что не на кого заменить, и приходится ему челюстью ворочать, а умер — вообще ничего не поменялось. То есть в любой момент можно убрать, но убрать нельзя никогда.

7 ноября 1982 года
генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев в последний раз появился на публике, принимая трибуны мавзолея торжественный парад по случаю годовщины Октябрьской революции.

10 ноября
Леонид Брежнев скончался во сне на государственной даче «Заречье-6»; о смерти генсека сообщили только через сутки, однако сетка вещания радио и телевидения изменилась сразу — в частности, вместо праздничного концерта ко Дню милиции по телевидению транслировали симфоническую музыку.

11 ноября
в 10 утра все радиостанции передали официальное сообщение о смерти Брежнева, было объявлено о четырехдневном государственном трауре, а также о создании комиссии по подготовке похорон, председателем которой стал секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов, на следующий день принявший полномочия генерального секретаря.



12 ноября
гроб с телом Брежнева был выставлен в Колонном зале Дома союзов, за три дня проститься пришли, по сообщению программы «Время», несколько сотен тысяч человек: «трудящиеся Москвы, представители других городов и союзных республик, зарубежные делегации».